УДК 340

DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-2-5-19

Вектор конституционализации: российское правоведение на пути к идентичности

В. И. Крусс

*Тверской государственный университет
Тверь, Россия*

Аннотация

Ставится проблема кардинального переосмысления отраслевого строения современной юридической науки в связи с объективно predetermined изменением предмета конституционного права. Анализ широкого круга актуальных научных позиций ведет к выводу о том, что предметная характеристика современной науки российского конституционного права обнаруживает функции, традиционно присущие теории права и государства. В тесной связи с философией судебного конституционализма она отвечает за полноценное освоение текста Конституции РФ, выработку универсального понятия права с позиций конституционного правопонимания, играет ведущую роль в разработке теории конституционализации национальной правовой системы и теории конституционного правопользования. В целом такое восприятие природы и назначения науки конституционного права остается, скорее, дискуссионным. Однако, по мнению автора, для юриспруденции в настоящее время это единственный вектор утверждения научной идентичности.

Ключевые слова

Конституция РФ, правоведение, научная идентичность, предмет конституционного права, конституционализация, конституционное правопользование

Для цитирования

Крусс В. И. Вектор конституционализации: российское правоведение на пути к идентичности // Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15, № 2. С. 5–19. DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-2-5-19

Vector of Constitutionalization: The Russian Law on the Way to Identity

V. I. Kruss

*Tver state University
Tver, Russian Federation*

Abstract

The article raises the problem of radical rethinking of the branch structure of modern legal science in connection with objectively predetermined changes in the subject of constitutional law. The analysis of a wide range of actual scientific positions leads to the conclusion that the subject characteristic of the modern science of the Russian constitutional law reveals the functions traditionally inherent in the theory of law and the state. In close connection with the philosophy of judicial constitutionalism, it is responsible for the full development of the text of the Constitution of the Russian Federation, the development of a universal concept of law from the standpoint of constitutional law, plays a leading role in the development of the theory of constitutionalization of the national legal system and the theory of the use of constitutional rights. In General, this perception of the nature and purpose of the science of constitutional law remains rather controversial. However, according to the author, it is currently the only vector of scientific identity for jurisprudence.

Keywords

Constitution of the Russian Federation, jurisprudence, scientific identity, subject of constitutional law, constitutionalization, constitutional use of rights

For citation

Kruss V. I. Vector of Constitutionalization: The Russian Law on the Way to Identity. *Juridical Science and Practice*, 2019, vol. 15, no. 2, p. 5–19. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-2-5-19

© В. И. Крусс, 2019

В ряду проблем отечественного правоведения, актуализированных в контексте четверть-векового юбилея Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), стоят и вопросы метаюридического характера. Исторически юриспруденция вела «поиски идентичности» на фоне парадоксального сочетания «непроясненности методологических оснований собственного правового теоретизирования» и необходимо-универсальной – для практической состоятельности конкурирующих теорий, типов правопонимания и даже «разнородных схем концептуализации» – методологии правового воздействия [1. С. 10–11]. Неизбежные сомнения в научном статусе такой «социальной технологии» всегда оставались, хотя и не произносились без крайней надобности [2. С. 101–102]. При этом научная стилизация критической рефлексии о праве доходила и до степени апофатической артикуляции «непререкаемой» догматической правоты.

Так, в образовательном формате В. С. Нерсисянц пояснял: «...трактовка правовой системы в качестве какого-то нового правового понятия, охватывающего всё право (все правовые феномены и категории), по существу означает подмену общего понятия права неким довольно условным (и во многом случайным) словосочетанием “правовая система”. Попытки такой подмены, начавшиеся еще в советские времена, преследовали цель под ширмой новых словообразований сохранить существо официального, советского правопонимания и с помощью подобных словесных новаций всячески противодействовать уже формировавшемуся в нашей науке юридическому (антилегистскому и антипозитивистскому) правопониманию» [3. С. 450]. Вряд ли, впрочем, студенты осознавали (и осознают), что подобным образом конституционно-отвлеченная (аконституционная) научная мысль, по сути, «отказывалась» признавать и уникальную реальность Конституции РФ как нормативного текста прямого действия и высшей юридической силы, утверждающего наличие, в том числе, правовой системы Российской Федерации (ч. 4 ст. 15), и исторически-инновационное явление самого права как объекта, к которому у каждого есть непосредственный доступ в силу «легитимной веры» в такую реальность. На научном уровне, однако, необходимо всемерно учитывать значение и следствия любого догматического позиционирования.

С принятием Конституции РФ правовые компоненты государственности исключают номинальное восприятие. При наличии правогенерирующего – «перспективно-всеобъемлющего» – юридического текста, а значит, и языка суждений (высказываний) о праве как конституционно-эссенциальном феномене, появляется возможность говорить о них с позиций конституционной этимологии и топологии правовых предикатов. Конституционный правопорядок и конституционно-правовая система становятся научными категориями и достоверными (реальными) для правоведения – предметно-значимыми – политико-социальными явлениями. Соответственно этому на первый план в единой теории правоустановления и правового воздействия выходят концепты конституционализации и конституционной модернизации, разрабатываемые на основе конституционного правопонимания [4].

Методологической пропозицией конституционного правопонимания выступает «уравненное» признание того, что все собственно правовые и юридически значимые феномены и категории (здесь В. С. Нерсисянц прав), предполагают наличие *легитимного* (в отличие от «чистой» догматики) онтологического маркера как понятия права, которым нельзя удовлетвориться или пренебречь в угоду спекулятивным пристрастиям. В конституционном понятии права юриспруденция находит единственно возможный вариант утверждения своей научной самобытности и состоятельности. Именно таким понятием не только «правильно», но необходимо руководствоваться ученому-юристу постольку, поскольку он претендует на адекватное научно-юридическое отображение социально-политической реальности, а также на аксиологически и телеологически выверенное содействие ее усовершенствованию (модернизации). Конституционное понятие права ведет к теории эволюции государственности как продолжения имманентного, исторически укорененного бытия российского народа, получившего – в силу акта конституирования (принятия Конституции РФ) – содержательно раскрывающуюся (нарратив) перспективу неизменного и постоянно актуализируемого «для-себя-конституционного должного». В реалиях и проектах («проектировании») такого долж-

ного сочетаются объективное «для» социального и субъективно-консолидированное «для» умозрительного.

Опирающаяся на конституционное понятие права теория утверждает истинность исключительно конституционного правопонимания и руководствуется его методологией как легитимно-научной. Решающая привязка правовой системы Российской Федерации к основным правам, свободам и обязанностям (ст. 2, 6, 15 и 17 Конституции РФ) проясняет природу и задает смысловой вектор права в целом. Вследствие этого всеобъемлющей формой реализации права становится конституционное правоупотребление, осмысленно соотношенное с конструкциями соответствующих правоотношений. Традиционно мыслимый механизм правового регулирования «преобразуется» в механизм конституционного признания и обеспечения (опосредования) непосредственно действующих неотчуждаемых прав и свобод, несения конституционных обязанностей. На первый план в системе принципов права выходят конституционные принципы опосредования надлежащего (конституционного) правоупотребления, – равно значимые и для правообладателей, и для их публично-властных контрагентов [5. С. 421–471].

Тем не менее остается впечатление, что правовая действительность не вполне адекватно отражается в научном сознании. Даже инновационные по направленности конституционно-правовые исследования довольствуются в обозначенном отношении ролью (уделом) традиционно локализованных отраслевых юридических дисциплин, ученым представителям которых из поколения в поколение внушали статус ведомых и равноудаленных от проблематики общетеоретического характера. Следствием давления стереотипов унаследованной номенклатурной «прописки» оказывается парадоксальное сочетание, с одной стороны, отчасти «инерционного», отчасти «подобострастного» отношения ученых-конституционалистов к правовым теориям номинально «современным», но чуждым, преимущественно, какой-либо конституционной рефлексии, с другой стороны, нередко поверхностных попыток самостоятельного решения (как правило, в рамках «комплексных» разработок) актуальных задач заведомо теоретико-догматического и даже философско-правового уровня, которым «штатные» теоретики права внимания почему-либо не уделяют. Тем не менее тенденция качественного обновления в научном конституционализме налицо, и ее действенным катализатором может оказаться дискуссия о предмете конституционного права.

Когда на рубеже миллениума начали появляться антологические обобщения представлений о предмете конституционного права, такая заинтересованность была во многом обусловлена наглядным и стремительным расширением объема конституционно-правового регулирования в связи с принятием Конституции РФ. И даже там, где формально о перспективах конституционализации правовой системы речи не шло, анализировалась специфика реализации конституционных норм, их конкретизации, применения по аналогии с учетом интерпретационной практики Конституционного Суда РФ. Тем самым имплицитно вырабатывалось представление, что конституционная нормативность – явление особо рода, действие которой проникает едва ли не во всю сферу общественных отношений (в качестве примера можно сослаться на известный труд О. Е. Кутафина [6]).

Тогда же, говоря о предметной предопределенности и принципиальных ориентирах для предмета науки конституционного права, Н. А. Богданова пришла к выводу, что искомую суть выражают и определяют отношения между государством, с одной стороны, и обществом, человеком, с другой стороны; при этом конституционное понимание «властеотношений» характеризует их снова едва ли не как всеобъемлющие, поскольку государственная (публичная) власть последовательно мыслится («берется») в контексте принципа верховенства права, прав и свобод человека, их необходимого обеспечения и гарантирования [7. С. 18–21]. Следствием такого видения становится, в частности, научное и дисциплинарно-пропедевтическое (курсовое) выделение общей части конституционного права как его теоретического блока.

Применительно к предмету национального конституционного права как отрасли к этому времени широко утвердилось представление о четырех комплексных группах общественных

отношений [8. С. 21–28], а отдельные, концептуально «окрашенные», обобщения воплощались в признание бинарной композиции системно связанных *основ* конституционного строя и конституционного статуса личности, во-первых; конституционной системы публично-властных политических институтов, во-вторых [9. С. 7–8]. Также неизменно подчеркивалось особое призвание конституционного права оформлять и упорядочивать преимущественно *основы* соответствующих отношений, в связи с чем для характеристики отрасли «не жалели» таких определений, как «ведущая», «базовая», «системообразующая».

Если отвлечься от вдохновенной риторики позитивистского, в конечном счете, толка, то следует признать, что сферу современного национального конституционного права действительно представляют два компонента: право прав человека и право политических институтов¹. Предметные реалии каждого из этих образований существенно различны, но в конституционном выражении они обретают необходимое единство. Конституционное право как наука объединяет их, посредством онтологически взвешенного понятия современного права как *права конституционного*, имеющего своим базовым и всеобъемлющим воплощением текст национальной Конституции. Из чего вытекает необходимость понимания науки конституционного права как теории современного права, ответственной прежде всего за выработку общеправового – конституционного – понятия права и его универсальной методологии². В конституционной теории права известный дуализм предмета правоведения (государства и права) преодолевается (снимается) именно на основе конституционного понятия права, «дефиниция» и смысл которого расширяются по мере познавательного утверждения правогенерирующего значения текста Конституции. Одновременно с этим возникает и развивается позитивное конституционное право как отрасль, представленная комплексом институтов, призванных постоянно оказывать *особое нормативное воздействие* на все обозначенные (и подразумеваемые) в конституционном тексте явления и конституционно значимые общественные отношения, хотя только для некоторых оно остается исчерпывающим.

Конституционно-правовая система приобретает исторически беспрецедентную конфигурацию. Благодаря выделенному выше особому характеру конституционно-правового воздействия раскрывается ему корреспондирующая имманентная природа предмета конституционного права как легитимного юридически значимого сущего *и* должного, регулирующие конкретизированные «полномочия» по охране, защите и умножению которого в социальном измерении доверяются («делегированы») иным – и также конституционно предусмотренным – юридическим элементам (средствам) и их комплексам: отраслям и институтам права³. Эти элементы конституционной системы права *самостоятельного* (т. е. аконституционного) значения *не имеют и иметь не могут*: отраслевые научные изыскания не должны приводить к выводам, противоречащим конституционной теории права; отраслевое (конституционно «делегированное») правовое регулирование предполагает конституционализацию и прекращается в случае признания его неконституционным.

Текущая актуализация научной дискуссии о предмете конституционного права отмечена, на наш взгляд, признаками консолидирующей эволюции – пусть не вполне последовательной – в направлении намеченных представлений. Так, в юбилейной подборке одного из авторитетных юридических журналов этому вопросу посвящено *девятнадцать* статей ведущих российских ученых-конституционалистов, признающих либо учитывающих исключительную роль Конституции РФ как источника права, суть феномена конституционализации пра-

¹ Осмысленно взвешенными, но конституционно-позитивистскими остаются трактовки конституционного права как совокупности норм, охраняющих права и свободы человека и гражданина и учреждающих в этих целях определенную систему государственной власти либо (инверсия) закрепляющих основы системы государственной власти в целях многоаспектного обеспечения все тех же основных полномочий личности. См.: [10. С. 15; 11. С. 17].

² На предметную связь науки конституционного права с юридической теорией последовательно указывает И. В. Выдрин. См., в частности: [12. С. 5].

³ Разумеется, конституционное право как отрасль права следует всегда отличать от адекватно соотносенных с ним конституционного законодательства и других формальных источников.

вой действительности и связанную с этим уникальность композиции предмета конституционного права как науки и отрасли⁴.

Автор фундаментальных трудов по теории и практике судебного конституционализма Н. С. Бондарь прямо соотносит уточнение сферы конституционно-правового регулирования с *продолжающимся* процессом конституционализации институтов государственного права на основе их переориентации на предполагающие социальное внедрение ценности современного конституционализма. Ученый обосновывает, почему вопрос о роли и предмете конституционного права неразрывно связан с проблемой обеспечения верховенства права (онтологическая привязка) в смысле безоговорочного и имманентного юридического верховенства Конституции РФ как залога сохранения конституционного суверенитета и национально-культурной идентичности в противоречивых трендах глобализации. В конечном счете именно признание несостоятельности ресурсов отраслевого правового регулирования – на фоне роста угроз фундаментального ценностного противостояния – воплощается в авторском тезисе о повсеместно неизбежном увеличении в законодательстве концентрации «конституционно-правовых начал» и необходимом признании конституционного права *ядром* всей правовой системы и особой отрасли, выполняющей в этой системе ценностно-функциональное назначение. Иначе говоря, предмет конституционного права как частно-публичного образования *принципиально совпадает* с предметной сферой всех других отраслей права, при том что существуют и «периферийные» к конституционному ядру общественные отношения [13. С. 25, 27–29].

Научная позиция и аргументы Н. С. Бондаря представляются в целом вполне убедительными; тем не менее, что касается важности последовательного «размежевания» конституционного права с другими отраслями, то, нам думается, более значимо учитывать сугубо спекулятивное значение такой задачи. Иначе пришлось бы признать, что в природе утверждаемых и регулируемых современным правом общественных отношений коренятся и неконституционные начала (цели и ценности), т. е. вновь – зайдя с другой стороны – оказаться перед лицом угрозы дискредитации (девальвации) идеи верховенства права.

«Реферативного» упоминания заслуживают все тематически связанные публикации этого номера, но мы, по понятным причинам, упомянем далее лишь некоторые из них, выделяя различные аспекты единой научно-практической проблематики. Справедливо, например, когда «углубление» предмета конституционного права связывают – созвучным конституционному правопониманию образом – с целью «создания новых, дополнительных механизмов реализации конституционных прав граждан», адаптированных к вызовам времени [14. С. 14].

Столь же логично, признавая правогенерирующую функцию Конституции РФ, учитывать, что в значении «общей части национального права» («надотрасли или мета-, мегаотрасли») конституционное право «берёт» это право в целом своим предметом, «формирует его телесность», определяет общеправовые эталоны правового регулирования, а также соотношение и связи всех правовых норм и конструкций между собой. При этом конституционное право не только обеспечивает конституционализацию понятийно-категориального аппарата всех отраслей права, но производит и «самонастройку собственного инструментария», поскольку, думается, более доверить решение такой задачи некому [15. С. 38, 41].

⁴ При том что даже в наиболее концептуальных версиях просматривается «интеллигентное» стремление «не обидеть» ученых коллег из отраслевых научных «подразделений», поскольку практически не осталось видов общественных отношений, для которых конституционно-правовое воздействие не являлось бы определяющим. Не случайно Н. С. Бондарь характеризует любые попытки решения обозначенной проблемы как «неблагодарные» (см.: [13. С. 25]). Думается, однако, такие опасения напрасны. «Традиционная» наука живет в другом спектре частот коммуникации. В том же номере журнала, например, сразу за обозначенным теоретико-конституционным блоком помещена статья о системе принципов права, в которой не упоминается сам термин «конституция»; далее, в статье о гражданской процессуальной дееспособности представлена «актуальная задача совершенствования процессуального законодательства» без единой отсылки к актам и правовым позициям Конституционного Суда РФ, предопределяющим формат искомой модернизации.

Очевидно, что «тонус» подобного научного восприятия феномена современного конституционного права значительно превосходит выражение известных представлений о комплексном характере предмета «уникальной» отрасли, хотя бы и с поправками на «объединяющие» этот комплекс элементы: человека, его права и свободы. Оставаясь на подобном – теоретически редуцированном – уровне мы неизбежно закончим признанием, что положения Конституции РФ составляют нормативную основу только отрасли конституционного права, а для других отраслей – лишь некоторые из ее положений являются источниками [16. С. 56–57, 61]. Вопрос же о том, откуда они (эти отрасли) «черпают» свою нормативную энергию и каким содержанием наполняются их «безосновные» формы, останется открытым. А между тем любой ответ на него будет равнозначен утверждению («научной легитимации») неконституционного правотворчества. И хотя идея универсального правового значения (содержания и воздействия) конституционных принципов, включая требование нравственности [16. С. 62–63], лишь отчасти «спасает» от такого сокрушительного вывода, само соответствующее уточнение принципиально важно. Оно созвучно теории конституционализации права и цели обеспечения конституционного правопользования, *всегда* – во всех формах личностного самоопределения и гарантированных позитивных притязаний – носящего принципиально опосредованный характер и также *повсеместно* предполагающего конституционно соразмерные ограничения ради конституционной (имеющей юридическую нормативность) ценности нравственности.

В конституционных принципах опосредования прав, свобод и обязанностей человека и гражданина эксплицитно раскрывается вектор эволюции (модернизации) российской правовой системы к идеалу конституционного правопорядка. Предметно-отраслевая «локализация» такого воздействия [17. С. 80] вряд ли продуктивна. Содержательная конкретизация названных принципов посредством легитимирующей конституционной интерпретации и «сертификации» раскрывает их связь с общеправовыми требованиями справедливости, формальной определенности, равенства, добросовестности, солидарности, неотвратимости и индивидуализации юридической ответственности. Под их непрерывным информационно-нормативным воздействием «вокруг» каждого из конституционных полномочий личности формируются конституционно-правовые институты, воплощающие и утверждающие органическое единство системы позитивного права, возможное только при наличии «живой» Конституции духовно и нравственно «здорового» народа. Иные конституционно-правовые институты [18. С. 86–88] входят в эту систему в силу соответствия их требованиям, вытекающим из положений ст. 1, 2, 17 и 18 Конституции РФ, т. е. будучи конституционными пусть не номинально, но по сути.

Предмет конституционного права отчасти проясняет и выходящее за рамки строго юридического концепта восприятие современной национальной Конституции как политико-правового механизма построения смоделированного в ней социального порядка. Особенностью такого механизма выступают «креативные» ценностно модулированные алгоритмы понижения политических рисков достижения конституционно заданной цели [19. С. 45–46]. Наряду с этим последовательная теория конституционализации не может согласиться с возможностью содержательного «расширения» текста Конституции РФ за счет комплекса производных источников, предметно с нею связанных [19. С. 51]. Конституционная логика и рефлексия в данном отношении исчерпываются идеей смыслового единства и содержательной «общности» Конституции РФ и доктринально-нормативных установлений Конституционного Суда РФ.

Конституционное утверждение основных прав и свод человека и гражданина как реальных, непосредственно действующих юридических феноменов, а равно и аналогичного значения актуализированных конституционных обязанностей, имеет решающее значение для научно-ответственных обоснований предмета современного конституционного права. Конститутированная таким образом реальность дезавуирует номенклатурные границы «террито-

рии научного поиска»⁵. Конституционная наука права связывается значением соответствующей (легитимной) феноменологической установки, а юридической практике «вменяется» обязанность следовать положениям и выводам только такой науки. Уместной поэтому – при всей ее метафоричности – становится предложенная И. Г. Дудко характеристика конституционного права как «первопрестольной» отрасли, господствующей над иными отраслями (элементами) российского права. Идея *конституционного господства* (выделено нами. – В. К.) в системе права вполне созвучна онтологии и гносеологии теории конституционализации. Заслуживает научного внимания и предложенная этим ученым классификация функциональных форм выражения такого господства как подтверждений практической состоятельности конституционного права – «гаранта национальной правовой идентичности» [21. С. 99].

Вместе с тем заявленная И. Г. Дудко проекция на предмет конституционного права *надежды* на то, что право может стать референтом не государства, а общества [21. С. 99–100], видится нам отчасти иллюзорной и, главное, избыточно демократической. Идеалы демократии и права не тождественны и *не во всем* комплиментарны (сочувственны) и комплементарны друг другу. «Конституционное народное правотворчество» не может подменить и не способно восполнить конституционализацию и конституционную модернизацию права. Конституционное правопонимание предполагает не только сугубо ограниченное публичное властвование, но и конституционно упорядоченное (ограничение и регулирование) правопользование.

Важным тематическим уточнением становится в той же связи тезис о конституционной однородности современного права: соответствующее его «наполнение» имеет не базисное (фундаментальное), но повсеместное (всепроницающее) элементарно-структурное содержание и значение. Конституционное правопользование, подчеркнем еще раз, актуально как в публично-властном, так и в частнопрововом, межличностном измерении. Конституционный правопорядок невозможен помимо конституционных правоотношений и исключает наличие юридически значимых отношений, не нуждающихся в конституционной идентификации и оценках. Причем речь в данной проекции может идти и об отношениях, формально не упорядоченных: например о формах конституционной самозащиты прав и свобод (ч. 1 ст. 45 Конституции РФ) или же, напротив, о легально не запрещенных деяниях (актах и притязаниях) конституционно недопустимого характера (злоупотребления правом). Ценностно взвешенное противодействие злоупотреблениям правом имеет значение конституционного (общеправового) требования.

Нельзя, наконец, не коснуться вопросов соотношения конституционного права как отрасли и современной конституционной теории права с феноменом и наукой международного права. (Именно и только коснуться, поскольку проблематика эта обширна.) Здесь необходимо признать, что последовательный (поскольку «суверенный») конституционализм возможен только в национальном выражении. *Догмы* «прогрессивной» интернационализации конституционного права и продуктивного поиска конституционных универсалий в сравнительном правоведении не прошли проверку временем и выглядят едва ли не архаичными на фоне тренда и вызовов глобальной деструкции миропорядка. Во всяком случае у российской науки конституционного права есть достаточно оснований для того, чтобы утвердиться в невозможности признания наднациональных и, значит, надконституционных критериев гарантирования прав и свобод человека, главное же – их достоверной (общеобязательной) идентификации как таковых.

Даже акцентируя внимание на «прямом действии» общепризнанных принципов права в правовой системе Российской Федерации [22. С. 152], российский конституционалист должен учитывать, что конституционная теория права исключает их «непосредственное приме-

⁵ Избегая содержательных обобщений, А. Ф. Малый замечает, что «подводная» часть айсберга предмета конституционного права (как отношений с конституционным содержанием) еще не осмыслена юридической наукой. См.: [20. С. 117].

нение» без учета наличия и актуального действия национальных нормативных регуляторов высшего уровня. Тем более он не должен удовлетворяться позицией «беспристрастного» исследователя, оставляя без комментариев «инновационные» сюжеты о перспективах «международного конституционного права и международной конституции», мифологию «глобального конституционализма»⁶. В реалиях XXI столетия так называемое «бинарное взаимодействие» может быть понято и принято только как конституционно взвешенная имплементация положений международного права и конвенционной юстиции в конституционно-правовую систему Российской Федерации.

Сходным образом, по нашему мнению, должно подходить и к развитию конституционной телеологии как необходимому и достоверному компоненту конституционной теории и философии права. В этой связи заслуживают поддержки мысли И. А. Кравца о предметобразующем значении принципа конституционной самобытности, имплицитно присутствующего в отечественной юриспруденции и отнюдь не препятствующего инновационной модернизации национальной правовой системы при сохранении ее конституционной идентичности [23. С. 135–136]. Особое значение конституционной телеологии и герменевтики предопределяет то обстоятельство, что конституционное правопонимание *аксиоматично*, хотя и в своего рода парадоксальном значении, поскольку исходит из ограниченности аксиоматического метода в юриспруденции и принципиальной невозможности полной формализации юридического знания и практик. Последнее утверждение находит последовательное подтверждение в доктринально-нормативных установлениях и правовых позициях Конституционного Суда РФ, в частности, развивающих конституционную теорию юридической ответственности.

Конституционная теория права *открыто* (не по умолчанию и не «тайно») национальна и патриотична. Модулированная кодами российской культурной традиции, в части теории конституционного правопользования, она призвана обосновать, каким образом *надлежащее* пользование неотъемлемыми правами человека должно обеспечиваться каждому в России как стране, которая намерена конституционно-правовыми средствами добиваться сохранения политического и духовного суверенитета (национально-культурной идентичности) и защищать духовно-нравственно-физическую безопасность («здоровье») своего народа, не входя при этом в *решающее* противоречие с актуальной международной трактовкой ключевого феномена прав и свобод человека.

Надлежащее правопользование в конституционно-правовом смысле есть, прежде всего, добросовестное. Добросовестность, как известно, признается актуальной и в международной феноменологии права, но понимается там, зачастую и все чаще, глубоко отличным от российской традиции образом. Мультикультурологический дискурс не уравнивает, а обесценивает архетипы национальной идентичности в равнодушной стратегии толерантного равенства. Здесь уместно сослаться на А. В. Полякова, которому приверженность постнеклассической парадигме не помешала признать, что правовая система как «явление, интеллектуально вычлененное из правовой действительности» включает в себя *«не все правовые феномены, а лишь те, которые непосредственно взаимодействуют с социальным субъектом (обществом), обеспечивая возможность социальной объективации, интернализации (включая легитимацию) правовых текстов конкретного общества»*; правовые системы «полностью зависят от социокультурных условий» [24. С. 595–596]. Поняв и признав, что речь при этом должна идти не о «наборе» текстов (пусть даже системно связанных), а о легитимном тексте-матрице и его производных (актуальных вариациях), с одной стороны, и что необходимой предпосылкой социальной объективации такого текста и интертекстуальной коммуникации выступает наличие ментально и духовно спаянного коллективного субъекта, как народа (включая

⁶ Сдержанный реверанс по отношению к позиции сторонников «компромиссного конституционализма» и «конституционной толерантности», впрочем, многое проясняет. За исключением главного: ради каких ценностей и в силу чего Россия должна так или иначе поступиться своей конституционной идентичностью? См.: [22. С. 153, 156–159].

этнокультурное ядро), с другой стороны, мы подходим к конституционному правопониманию.

Соответствующий подход не претендует на кардинальную (всегда сомнительную) новизну. Генеалогия конституционного правопонимания обнаруживает впечатляющую полифонию идей и высказываний отечественных ученых, завещавших нам свои (частью забытые) научные «партитуры». Генетические конституционалисты всегда мыслили право онтологически однородным образом. Едва ли не терминологической только «редакции» – для перехода в тезаурус конституционного правопонимания – требует, например, концепция *синтетической природы* права А. С. Ященко.

Накануне эпохи «великих потрясений» выдающийся ученый утверждал, что право, будучи порождением человеческой воли и разума, может быть полноценно осмыслено только с позиций философии человека как духовно развитой личности. При этом важнейшей предпосылкой синтетической целостности права становится гипотеза (для А. С. Ященко – аксиома) «лично-общественной двусторонности» нравственности, не зависящей от нашего субъективного усмотрения и исключительно – потому именно – открывающей перспективу осмысленного жизненного самоопределения личности, добровольно соотносящей себя с Абсолютом метафизически-религиозного характера. Такое самоопределение неизбежно «выходит за пределы личной жизни и требует действительного осуществления нравственных целей», возможного только в реалиях «нравственного порядка человеческой жизни, выражающей безусловно должное и безусловно желательное отношение каждого ко всему и всего к каждому, т. е. добра в полном смысле слова» [25. С. 361–363].

Остается удивляться, до какой степени эти мысли предопределяют современное конституционное прочтение взаимной связи и ответственности человека, общества и государства, а равно и непосредственно конституционное признание народной веры в добро и справедливость, во многом проясняющее допустимость соразмерных ограничений прав и свобод человека и ради ценности нравственности (преамбула, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Сколь значимы они для перспективного смыслового наполнения актуальной конституционной аксиоматики не подлежащего умалению достоинства личности (ст. 21 Конституции РФ).

Вводя в методологический арсенал иррациональное понятие веры и духовную атрибутику личности, конституционная наука права не только не рискует компрометировать свой дисциплинарный статус, но идет в направлении современного синтеза познавательных *академических* практик. Научное и религиозное восприятие права и прав человека согласно укоренены в цивилизационном единстве российской народной традиции. В этой связи тот же А. С. Ященко справедливо отмечал, что противоречия большинства юридических теорий не равнозначны их непримиримости между собой, за исключением случаев «коренного расхождения самих мировоззрений, из которых исходят авторы». Именно *мировоззренческий рубеж* обособляет и разделяет представления, в которых «право тесно связано с моралью, эта последняя – с религией, т. е. с глубочайшими основами человеческого знания, где *неизбежен* (выделено мной. – В. К.) элемент веры и постулативности» [25. С. 368].

Убедительные свидетельства комплементарности (взаимодополнения) конституционного правопонимания и отечественной религиозно-духовной традиции дают, в частности, прямо отвечающие на вызовы времени нормативно-ориентирующие источники Русской Православной Церкви (РПЦ). Так, в Декларации о правах и достоинстве человека, принятой X Всемирным русским народным сбором 6 апреля 2006 г., с позиций православной антропологии определено соотношение ценности и достоинства личности. Согласно положениям Декларации, особая – высшая в эмпирическом измерении – ценность человека как образа Божия подлечит непререкаемому уважению и признанию (каждым индивидом, обществом, государством). Однако достоинство не дано человеку безотносительно: человек становится личностью и приобретает достоинство, совершая добро: обнаруживая, тем самым, свою внутреннюю свободу от зла и реализуя вовне свободу нравственного выбора. Неразрывно связанные с обязанностями и ответственностью права человека «имеют основанием ценность личности и должны быть направлены на реализацию ее достоинства». Вместе с тем существуют

ценности, которые стоят *не ниже* (выделено мной. – В. К.) прав человека, как то: вера, нравственность, святыни, Отечество. «Когда эти ценности и реализация прав человека вступают в противоречие, общество, государство и закон должны гармонично сочетать то и другое»⁷.

В ноябре 2017 г., выступая на 21-й сессии Всемирного русского народного собора, Патриарх Кирилл сказал: «Как в жизни отдельного человека, так и в жизни народа, вера в социальные институты и правовые механизмы мертва без нравственного делания, без умения поступать *по совести*. В этом случае она ведет лишь к безумной погоне за химерами, за ускользающими миражами счастья и свободы. И к неисчислимым человеческим жертвам». И далее – как бы развивая философию правопонимания с позиций духовного (научно-иррационального) конституционализма – Предстоятель РПЦ заключил: «...сегодня общество должно стремиться к тому солидарному идеалу, идеалу, очень близкому и понятному для христиан, где царит единство и братство, где люди считают друг друга братьями и сестрами»⁸.

Думается, принципиальные возражения против такого решения ключевых вопросов современного конституционализма могут быть заявлены только исходя из мировоззренческих пристрастий контррелигиозного толка, хотя бы и в виде высказываний, редуцированных – в формате публичной дискуссии – до уровня либерально-профанной риторики и демагогии. И тогда неизбежно атеистический релятивизм доходит до признания права человека «самостоятельно» (исходя из сугубо утилитарных критериев) идентифицировать проявления добра и зла и находит себе благодатную почву в пораженных дефицитом семейной любви сердцах и информационно поработанных, блуждающих в сетевых лабиринтах умах значительного числа молодых россиян. К сожалению, это касается и студентов-юристов, всё более тяготеющих к равнодушному и «холодному» профессиональному прагматизму. Готовность же и расположенность отечественной системы юридического образования к формированию у них подлинно конституционно-правовой культуры, ответственного духовно развитого правосознания видится весьма проблематичной.

«Сакральные» коннотации в российском научном и образовательном юридическом дискурсе остаются скорее факультативными; даже в «модных» суждениях о духовно-нравственных скрепах превалирует сугубо рациональная методология. Между тем модусами конституционного правопонимания являются *необходимая* вера в Конституцию РФ и безоговорочная (стоящая выше политического многообразия) приверженность конституционным постулатам: аксиомам, априорным принципам и ценностям. Абсолютно непримиримыми (не согласуемыми) с конституционным правопониманием оказываются поэтому научные теории, отрицающие подобное значение текста (буквы и духа) Конституции РФ. Антиконституционными оказываются также теории права, которые находят возможность и основания проверять и критически оценивать правоту конституционного должного или выводить его из *собственных* «пролегомен» и предпосылок.

Отдельного упоминания заслуживает в этой связи «методологическая ремарка» А. С. Яценко, неожиданно отсылающая к острой полемике в современной юридической литературе по вопросу так называемого «интегративного» правопонимания (см. [26]). Даже в наиболее «мягкой», онтологически взвешенной версии «интегративного *восприятия*» права (слова имеют значение) утверждается, что «интегративная юриспруденция отвечает современным запросам времени, навешанным процессами глобализации», поскольку «противостоит как изоляционизму, так и некритическому растворению национального в ценностях противостоящего мира» [27. С. 27]. Понятийно акцент здесь делается на интенции правового обеспечения справедливости в решении любой задачи при неизменной отсылке к канону формального равенства. О Конституции РФ при этом речи не идет.

⁷ URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/103235.html> (дата обращения 17.01.2019).

⁸ URL: <http://www.pravoslavie.ru/107693.html> (дата обращения 19.01.2019).

Убедительно раскрывая методологическую безосновность «современного интегративно-го» правопонимания, его авторитетные критики, напротив, начинают с отсылки к Конституции РФ [28. С. 31]. Для того лишь, чтобы подчеркнуть критически недопустимую (ст. 13 Конституции РФ) связь «инновационного» посылка с буржуазным либерализмом как идеологией *фактически* господствующего в России класса. На этом, собственно, конституционная составляющая критики исчерпывается: ничего более *юридически* значимого в *тексте* Конституции РФ они также не находят. В ряду онтологических характеристик права неопозитивизм удовлетворяется указанием на его генетическую и функциональную связь с государством и обусловленность общественным бытием [28. С. 37].

Так, в оппозиции двух противостоящих подходов проступает их общая догматическая предубежденность по отношению к возможности признания современной национальной Конституции как «чего-то большего» в сравнении с законом, пусть даже и «Основным». В свою очередь, конституционное правопонимание *адогматично* (в юридическом смысле); здесь познавательная и созидаящая позиции *равноудалены* по отношению к номотетическим (подведение единичного под общее) трактовкам сущности права и идеографическим (расфокусированным) его описаниям, доходящим до ценностного релятивизма. В философском измерении оно наиболее комплементарно двум идеям русского мыслителя М. М. Бахтина: 1) о *тексте* как главном и, по сути, единственном предмете любого гуманитарного знания («где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления»; 2) о *принципиальной диалогичности* гуманитарного познания («двусубъектность гуманитарного мышления») [29. С. 299-301 и др.].

В интенции приведенных посылок будет всегда «неуютно» тем, кто убежденно или бессознательно полагает, что текст – это нечто «внешнее» и застывшее, окончательное, навсегда данное, тогда как живой человек постоянно изменяется. Философия и теория современного конституционализма невозможны без признания реальности (непосредственной действительности) «живого» конституционного текста, который постоянно «изменяется», раскрываясь в актах конституционной юстиции (легитимная интерпретация) и оставаясь *инвариантно* тождественным самому себе, обеспечивая тем самым культурно-генетическую тождественность (идентичность) конституционных поколений народа. Конституционное понимание есть непрерывный *конституционный диалог Я и Мы*: личности как индивида и народа как ментально-культурной видовой целостности и «автора» легитимного конституционного высказывания (текста).

В силу и в контексте такой целостности конституционное правопонимание также открыто *апологетично*: в феноменологической модальности здесь признается и обосновывается непререкаемая правота (истинность) Конституции РФ и конституционного как *реально должного* – единого в неисчерпаемом многообразии его состоявшихся воплощений, всегда отмеченных и проекцией *духовного* (ценностного и ментального).

Обосновывая, почему «не всё то, что называлось и называется правом, может быть введено в синтетическое определение права», А. С. Яценко подчеркивал диаметрально противоположность своего подхода тому «методологическому плюрализму», когда, отправляясь от наглядной многосторонности права, становятся на позицию «аналитического разложения», призывая изучать его «и как социологическое, и как психологическое, и как нормативное явление и т. д.». Такой призыв всегда *научно бесплоден*, поскольку «изучать что-нибудь можно только зная существенные черты, тот ближайший род, к которому принадлежат его специфические отличительные признаки», сущность которых также останется нами не осмысленной. «Как, например, изучить право только как норму, не зная, что такое право и о каких таких нормах идет здесь речь?», – задает А. С. Яценко вопрос, равно актуальный и для добросовестного позитивиста, и для «интегративиста». И если первый, отвечая на него, может указать на нормы положительно права и формально-аналитические ресурсы (что, в общем-то, будет методологической редукцией), то второму придется выбирать между различными обоснованиями значения юридических норм, отрекаясь тем самым от своего интегративного позиционирования.

Конституционное правопонимание избегает искушения «интегративного плюрализма», поскольку «технологически» является своего рода пониманием *интегральным*, ведет к *интегральному* праву. Право есть конституционный интеграл, который берётся (актуализируется) применительно ко всякой композиции (данности) подлежащих юридическим и юридически значимых элементов как абстрактно-общего (объективные конституционно-правовые положения и установления), так и субъективно-конкретного (правоприменительного) характера. За технологию и результат первого порядка «отвечает» институт конституционной юстиции и, конкретно, Конституционный Суд РФ как единственный субъект конституционализации права⁹. Во втором случае субъективно-конкретную актуализацию права призвано обеспечивать *правосудие* в тесном значении этого понятия, поскольку право есть также *конституционное* (*конституционно взвешенное и обоснованное*), вступившее в законную силу решение суда¹⁰.

Обобщая сказанное, можно заключить, что предметом современного (российского) конституционного права – в его позитивном («отраслевом») выражении – являются общепризнанные юридические феномены (права, свободы и обязанности человека и гражданина), а также социальные институты, состояния, связи и отношения, адекватно и актуально, независимо от их типа и содержательной специфики, предполагающие и претерпевающие нормативное правовое воздействие, а равно имеющие юридическое значение, но легально-формальному воздействию не подчиненные феномены и явления в той части и постольку, в какой и поскольку они принципиально соотносены с конституционно идентифицированными ценностями и целями справедливого консолидированного порядка (уклада) народной жизни, сохранения и умножения общего блага.

Обеспечивающее соответствующее нормативное воздействие и статусную идентификацию Конституция РФ, формы ее легитимной интерпретации (доктринально-нормативные установления и акты Конституционного Суда РФ), конституционно признанные положения и акты международного права и конвенционной юстиции, а также иные «вырастающие на почве» Конституции РФ конкретизированные производные ее текста (источники права) являются предметом науки конституционного права, как конституционно уполномоченного и ответственного соучастника конституционализации национальной правовой системы, текущей и перспективной конституционной модернизации российской государственности (правопорядка).

В той мере, в какой наука конституционного права осознает свое современное предназначение, отечественное правоведение может рассчитывать на обретение идентичности, дабы на этой основе наращивать ресурсы и совершенствовать технологию охранительного и преобразовательного воздействия на реалии российской государственности, мыслимой как конституционный правопорядок и правовая система.

Список литературы / References

1. **Касаткин С. Н.** Юриспруденция и словоупотребление. Проект юридической догматики // Юриспруденция в поисках идентичности: Сб. статей, переводов, рефератов / Под общ. ред. С. Н. Касаткина. Самара: Изд-во Самар. гуманит. академии, 2010. С. 10–25.
Kasatkin S. N. Yurisprudentsiya i slovoupotrebleniye. Proyekt yuridicheskoy dogmatiki [Law and usage. A draft of a legal doctrine]. In: Kasatkin S. N. (ed.). Jurisprudence in search of identity: a collection of articles, translation of abstracts. Samara Humane Academy, 2010, p. 10–25. (in Russ.)

⁹ Как формулирует В. Д. Зорькин, органы конституционного контроля являются «воротами конституционализации» общественных отношений. См.: [30. С. 412]. Эту ёмкую метафору следует воспринимать, отправляясь от представления, что обеспечить конституционное упорядочение (конституционализацию) общественных отношений могут только достоверно конституционные (прошедшие конституционализацию) нормы права и законоположения.

¹⁰ Подчеркнем отдельно: право находит свое воплощение в акте любого (ординарного) суда при условии его безупречной конституционности.

2. **Пермяков Ю. Е.** Юриспруденция как строгая наука // Юриспруденция в поисках идентичности: Сб. статей, переводов, рефератов / Под общ. ред. С. Н. Касаткина. Самара: Изд-во Самар. гуманит. академии, 2010. С. 101–159.
Permyakov Yu. E. Yurisprudentsiya kak strogaya nauka [Jurisprudence as a strict science]. In: Kasatkin S. N. (ed.). Jurisprudence in search of identity: a collection of articles, translation of abstracts. Samara Humane Academy, 2010, p. 101–159. (in Russ.)
3. **Нерсисянц В. С.** Общая теория права и государства. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2018. 552 с.
Nersesyan V. S. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva [General theory of law and state]. Moscow, Norma: INFRA-M, 2018, 552 p. (in Russ.)
4. **Крусс В. И.** Конституционализация права: основа теории: Монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 240 с.
Kruss V. I. Konstitutsionalizatsiya prava: osnova teorii [Constitutionalization of law: fundamentals of theory]. Monograph. Moscow, Norma, INFRA-M, 2016, 240 p. (in Russ.)
5. **Крусс В. И.** Теория конституционного правопользования. М.: Норма, 2007. 752 с.
Kruss V. I. Teoriya konstitutsionnogo pravopol'zovaniya [Theory of constitutional legal use]. Moscow, Norma, 2007, 752 p. (in Russ.)
6. **Кутафин О. Е.** Предмет конституционного права. М.: Юрист, 2001. 444 с.
Kutafin O. E. Predmet konstitutsionnogo prava [Subject of constitutional law]. Moscow, Jurist, 2001, 444 p. (in Russ.)
7. **Богданова Н. А.** Система науки конституционного права. М.: Юрист, 2001. 256 с.
Bogdanova N. A. Sistema nauki konstitutsionnogo prava [The system of science of constitutional law]. Moscow, Jurist, 2001, 256 p. (in Russ.)
8. **Авакьян С. А.** Конституционное право России: Учеб. курс: В 2 т. М.: Юрист, 2005. Т. 1. 719 с.
Avakyan S. A. Konstitutsionnoye pravo Rossii [Constitutional law of Russia]. Textbook. In 2 vols. Moscow, Yurist, 2005, vol. 1, 719 p. (in Russ.)
9. Конституционное право России: Курс лекций / Отв. ред. Ю. Л. Шульженко. М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2007. 480 с.
 Shulzhenko Yu. L. (ed.). Konstitutsionnoye pravo Rossii [Constitutional law of Russia]. Course of lectures. Moscow, TK Velbi, Publishing house Prospect, 2007, 480 p. (in Russ.)
10. **Баглай М. В.** Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов. М.: Норма, 2007. 784 с.
Baglay M. V. Konstitutsionnoye pravo Rossii [Constitutional law of the Russian Federation]. Textbook for Universities. Moscow, Norma, 2007, 784 p. (in Russ.)
11. **Енгибарян Р. В., Тадевосян Э. В.** Конституционное право России: Учебник для вузов. М.: Юрист, 2000. 492 с.
Yengibaryan R. V., Tadevosyan E. V. Konstitutsionnoye pravo Rossii [Constitutional law of Russia]. Textbook for Universities. Moscow, Jurist, 2000, 492 p. (in Russ.)
12. **Выдрин И. В.** Об отрасли и науке конституционного права России // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 5. С. 3–8.
Vydrin I. V. Ob otrasli i nauke konstitutsionnogo prava Rossii [On the branch and science of constitutional law of Russia]. *Constitutional and Municipal Law*, 2017, no. 5, p. 3–8. (in Russ.)
13. **Бондарь Н. С.** Предмет конституционного права в контексте практики конституционного правосудия: стабильность и динамизм // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 24–35.
Bondar N. S. Predmet konstitutsionnogo prava v kontekste praktiki konstitutsionnogo pravosudiya: stabil'nost' i dinamizm [Subject of constitutional law in the context of the practice of constitutional justice: stability and dynamism]. *Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 10, p. 24–35. (in Russ.)
14. **Комарова В. В.** Реальное и мнимое расширение предмета конституционного права // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 11–23.

- Komarova V. V.** Real'noye i mnimoye rasshireniye predmeta konstitutsionnogo prava [Real and imaginary expansion of the subject of constitutional law]. *Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 10, p. 11–23. (in Russ.)
15. **Кокотов А. Н.** О предмете конституционно-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 36–43.
Kokotov A. N. O predmete konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya [On the subject of constitutional and legal regulation]. *Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 10, p. 36–43. (in Russ.)
16. **Осавелюк А. М.** Конституционное право в системе российского права: уникальность предмета отрасли // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 55–64.
Osavelyuk A. M. Konstitutsionnoye pravo v sisteme rossiyskogo prava: unikal'nost' predmeta otrasli [Constitutional law in the Russian law: the uniqueness of the subject industry]. *Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 10, p. 55–64. (in Russ.)
17. **Комкова Г. Н.** Содержание системы конституционного права России: современное прочтение // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 76–83.
Komkova G. N. Soderzhaniye sistemy konstitutsionnogo prava Rossii: sovremennoye procheniye [The content of the system of constitutional law of Russia: modern interpretation]. *Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 10, p. 76–83. (in Russ.)
18. **Садовникова Г. Н.** Системообразующие институты конституционного права // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 84–91.
Sadovnikova G. N. Sistemoobrazuyushchiye instituty konstitutsionnogo prava [System-forming institutions of constitutional law]. *Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 10, p. 84–91. (in Russ.)
19. **Шахрай С. М.** Конституция России: стабильность и развитие // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 44–54.
Shakhray S. M. Konstitutsiya Rossii: stabil'nost' i razvitiye [The Constitution of Russia: stability and development]. *Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 10, p. 44–54. (in Russ.)
20. **Малый А. Ф.** Предмет отрасли права: территория научного поиска // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 114–119.
Mal'yi A. F. Predmet otrasli prava: territoriya nauchnogo poiska [Subject of the branch of law: the territory of scientific research]. *Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 10, p. 114–119. (in Russ.)
21. **Дудко И. Г.** К вопросу о предмете конституционного права (в поиске адекватной проекции) // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 92–102.
Dudko I. G. K voprosu o predmete konstitutsionnogo prava (v poiske adekvatnoy proyeksii) [On the subject of constitutional law (in search of an adequate projection)]. *Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 10, p. 92–102. (in Russ.)
22. **Умнова-Конюхова И. А.** Современное понимание предмета конституционного права в условиях бинарного развития внутригосударственного и международного права // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 151–161.
Umnova-Konyukhova I. A. Sovremennoye ponimaniye predmeta konstitutsionnogo prava v usloviyakh binarnogo razvitiya vnutrigosudarstvennogo i mezhdunarodnogo prava [Modern understanding of the subject of constitutional law in the context of binary development of domestic and international law]. *Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 10, p. 151–161. (in Russ.)
23. **Кравец И. А.** Конституционное право и телеология: предмет и метод метаотрасли, сферы конституционализации и межотраслевой гармонизации // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11. С. 131–147.
Kravets I. A. Konstitutsionnoye pravo i teleologiya: predmet i metod metaotrasli, sfery konstitutsionalizatsii i mezhotraslevoy garmonizatsii [Constitutional law and teleology: the subject and method of metaotrasli, the sphere of constitutionalization and harmonization of inter]. *Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 10, p. 131–147. (in Russ.)
24. **Поляков А. В.** Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход: Курс лекций. 2-е изд., доп. СПб: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. 845 с.
Polyakov A. V. Obshchaya teoriya prava: Fenomenologo-kommunikativnyy podkhod [General theory of law: Phenomenological-communicative approach]. Course of lectures. 2nd ed. St. Petersburg, Publishing House “Legal center Press”, 2003. 845 p. (in Russ.)

25. **Яценко А. С.** Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912 // Русская философия права: философия веры и нравственности (антология) / Сост.: А. П. Альбов, Д. В. Масленников, А. И. Числов, С. В. Филиппова. СПб.: Алетейя, 1997. 398 с.
Yashchenko A. S. Teoriya federalizma. Opyt sinteticheskoy teorii prava i gosudarstva Theory of federalism [Experience of synthetic theory of law and state]. Yuriev, 1912. In: Russian philosophy of law: philosophy of faith and morality (anthology). Compilers: A. P. Albov, D. V. Maslennikov, A. I. Chislov, S. V. Filippova. St. Petersburg, Aleteya Publ., 1997, 398 p. (in Russ.)
26. **Лапаева В. В.** Интегральное правопонимание в российской теории права: история и современность // Законодательство и экономика. 2008. № 5. С. 5–13.
Lapaeva V. V. Integral'noye pravoponimaniye v rossiyskoy teorii prava: istoriya i sovremennost' [Integral legal understanding in the Russian theory of law: history and modernity]. *Legislation and Economics*, 2008, no. 5, p. 5–13.
27. **Лазарев В. В.** Интегративное восприятие права // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 2. С. 20–29.
Lazarev V. V. Integrativnoye vospriyatiye prava [Integrative perception of law]. *Legal Science: History and Modernity*, 2017, no. 2, p. 20–29. (in Russ.)
28. **Черданцев А. Ф.** Интегративное недопонимание права // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 2. С. 30–38.
Cherdantsev A. F. Integrativnoye nedoponimaniye prava [Integrative misunderstanding of law]. *Legal Science: History and Modernity*, 2017, no. 2, p. 30–38. (in Russ.)
29. **Бахтин М. М.** Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
Bakhtin M. M. Avtor i geroy: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk [Author and hero: to the philosophical foundations of the Humanities]. St. Petersburg, Azbuka, 2000, 336 p. (in Russ.)
30. **Зорькин В. Д.** Конституционно-правовое развитие России: Монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2019. 448 с.
Zorkin V. D. Konstitutsionno-pravovoye razvitiye Rossii [Constitutional and legal development of Russia]. Monograph. 2nd ed. Moscow, Norm, 2019, 448 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
 24.01.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Крусс Владимир Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права, Тверской государственный университет (ул. Желябова, 33, Тверь, 170100, Россия)

Vladimir I. Kruss, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Theory of Law, Tver State University (33 Zhelyabova Str., Tver, 170100, Russian Federation)

t-prava@yandex.ru